

Татьяна Сергеевна Карпачева

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской классической литературы и фольклора,
Московский городской педагогический университет
(Москва, Российская Федерация)
t.s.karpacheva@yandex.ru*

ОБРАЗЫ СЕКТАНТОВ

В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация. В статье рассматривается тема сект в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского. Откликнувшись на острые вопросы современности Ф. М. Достоевский не мог обойти стороной и эту тему — тему псевдодуховности и вовлечения людей под видом молитвенных собраний в различные организации, зачастую ставящие перед собой не столько религиозные, сколько политические цели. В статье рассматривается образ штундистского пастора как сектантского лидера и противопоставляется ему образ старца Зосимы из романа «Братья Карамазовы» как настоящего святого, ведущего ко Христу. Ф. М. Достоевский разграничивает понятия собственно сектантского учения и его практического воплощения. По мнению писателя, разрушительная деятельность сект гораздо опаснее, нежели их теоретические воззрения. Погружаясь во всевозможные трансовые состояния («верчение и пророчество»), человек транслирует искаженное представление о Христе, отрекается от истинной веры и, сам того не подозревая, возрождает древние языческие культы идолопоклонства.

Ключевые слова: секты, «Дневник писателя», Достоевский, «Братья Карамазовы», старец Зосима.

Известно, что на протяжении всего творческого пути Ф. М. Достоевский проявляет интерес к феномену сект и сектантства, с одной стороны, как к формам проявления религиозного сознания, а с другой — как к социальной проблеме. В журнале «Время» Достоевский публикует очерк А. Щапова «Земство и раскол. Бегуны», где рассматриваются предпосылки возникновения секты бегунов: закрепощение и бесправие крестьян, начавшееся при Петре I и усилившееся к середине XVIII века. Учение бегунов рассматривается Щаповым как «историко-оппозиционное»¹. В журнале «Эпоха» (1864) опубликован замечательный рассказ В. Калатузова «Очерк из быта и верований скопцов. Из рассказов странницы», который прекрасно отражает не только быт и нравы сектантов, но и способы вербовки новых adeptов: в очерке рассматривается, что может показаться на первый взгляд привлекательным в жизни секты.

К теме сект в творчестве Ф. М. Достоевского обращались исследователи: О. Дилакторская, С. Ипатова, Н. Подосокорский, Г. Боград, М. Джоунс и др.

Впервые образы сектантов в творчестве Достоевского мы встречаем в повести «Хозяйка» [5]. Исследовательница О. Дилакторская убедительно доказывает принадлежность Мурина к секте скопцов. Образ раскольника-бегуна Миколки в романе «Преступление и наказание» отчасти передает феномен религиозного сознания сектанта, увлеченного идеей страдания, «несправедливого гонения» «от властей», притом безотносительно цели — за что или за кого страдать. По предположению Г. Л. Боград, никем иным, как сектантом-скопцом, является и Смердяков в романе «Братья Карамазовы» [1].

Тема сект и сектантства в творчестве Достоевского требует, на наш взгляд, детального и глубокого изучения, и в данной статье мы хотели бы начать рассмотрение особенностей изображения сект в поздней публицистике Достоевского. В «Дневнике писателя» Достоевский касается деятельности двух современных ему сект: штундистов и редстокистов (впоследствии получивших название «пашковцев» по имени самого активного русского последователя лорда Редстока В. А. Пашкова). Обе секты были очень распространены во второй половине XIX века, и, конечно, Достоевский, отзывавшийся в «Дневнике писателя» на острые вопросы современности, не мог обойти эту тему стороной.

Впервые о секте штундистов Достоевский заговорил в «Дневнике писателя» за 1873 год, в статье «Смятенный вид» (XXI, 54–60)². Пастор-штундист, немец, пожалел крестьян, живущих в невежестве и пьянстве, и решил обратиться к православию. Крестьяне же перешли за ним в штунду — этот странный случай и осмысливается Достоевским.

Сектанты изменили образ жизни, не пьянствуют. Они так, например, рассуждают:

— У них (то есть у немецких, лютеранских штундистов), — у них потому хорошо и потому они так честно и благообразно живут, что нет постов...

Логика мизерная, но какой-то есть смысл, как хотите, особенно если смотреть на пост как на один лишь обряд. А откуда бедный человек мог бы узнать спасительную, глубокую цель поста? Да он и всю свою прежнюю веру знал как один лишь обряд.

И далее:

Ну какой в самом деле наш народ протестант и какой он немец? И к чему ему учиться по-немецки, чтобы петь псалмы? И не заключается ли всё, всё, чего ищет он, в православии? Не в нем ли одном и правда и спасение народа русского, а в будущих веках и для всего человечества? Не в православии ли одном сохранился Божественный лик Христа во всей чистоте? И может быть, главнейшее предызбранное назначение народа русского в судьбах всего человечества и состоит лишь в том, чтоб сохранить у себя этот Божественный образ Христа во всей чистоте, а когда придет время, явить этот образ миру, потерявшему пути свои!

Да, но покамест это всё сбудется, пастор-то вот встал пораньше, с первыми птицами, да и пришел к народу, чтобы сказать ему правду — православную правду, он был очень совестлив. Но народ пошел за ним, а не за православием, не из благодарности только, а за то, что от него первую правду увидел. Ну и вышло, что «у него потому хорошо, что постов нет». Заключение очень понятное, коли замешалась личность (XXI, 58–59).

Вот эта мысль писателя: «коли замешалась личность» и представляется наиболее интересной, и, скорее всего, именно в ней содержится объяснение изображенной коллизии. Образ старца Зосимы, на наш взгляд, является своего рода антиподом образу пастора-штундиста. Смерть старца Зосимы и последовавшее за ней естественное разложение его тела служит предостережением от обожествления старца, от создания его культа. Зосима не может допустить того, чтобы его личность заслоняла бы собой Бога, как это чуть было не случилось с Алешей, да и со всем городом, желавшим увидеть чудо. Начни старик, по словам Ракитина, «чудеса отмачивать», весь город был бы «повязан» этим чудом, и такая вера уже была бы несвободной. Тление тела — это волеизъявление самого старца, и именно таким образом этот сюжет неоднократно осмысливался в достоевистике. Так, Т. А. Касаткина отмечает: «И однако на недоумение К. Леонтьева: "От тела скончавшегося старца Зосимы для чего-то исходит тлетворный дух", уже неоднократно исследователями Достоевского был дан ответ: это происходит для того, чтобы не подавить свободную волю человека наглядным и навязчивым чудом. Можно добавить — и для того, чтобы освобо-

дить уже плененную волю Алеши, которому старец невольно заслонил Бога. Этот "поступок" (по счастливому выражению госпожи Хохлаковой) старца адекватен отказу Христа сойти со креста — и обращаю внимание на то, что при таком толковании это именно поступок, осознанное действие умершего, а вовсе не действие, производимое над ним законами природы» [4, 196]. Пастор, в отличие от старца, не видит этой границы между почитанием и поклонением и потому приводит к себе вместо Бога. Личность пастора-штундиста в статье «Смятенный вид» оказалась для крестьян превалирующей над личностью Бога, следовательно, какими бы благими ни были бы его намерения, у него не получилось привести крестьян к Богу — получилось привести только в самозамкнутую общину, в секту.

По определению ведущего специалиста по проблемам новых религиозных движений в России, профессора Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета кандидата богословия А. Л. Дворкина, «секта — это закрытая религиозная группа, противопоставляющая себя основной культуuroобразующей религиозной общине (или основным общинам) страны или региона» [2, 44]. Подобная община замыкается на личности основателя, считает интересы общества и государства чуждыми и зачастую, основываясь на религиозном факторе, начинает исповедовать открыто деструктивные идеи, как, например, отказ от службы в армии, призыв к революционным действиям, отказ от медицинской помощи или даже откровенное членовредительство, как в случае, со скопцами.

Часто на религиозном поиске, свойственном в той или иной степени каждому человеку, спекулируют проповедники не только религиозных, но и различных политических и других всевозможных идей под маской религии. Так, штундисты исповедовали идею разделения имущества — это было предметом их религиозных убеждений: «в скором времени, — считали они, — все будет общее: все магазины с шелками и другими товарами будут открыты для всех, так что, что кому понадобится, тот то и бери бесплатно»³. Журнал «Миссионерское обозрение» так передает чаяния штундистов:

«С наступлением нового государственного общественного строя, когда у штундистов-анабаптистов будет свой царь и начальники, а все люди будут равны, их (сектантское) начальство всю землю от православных помещиков поотбирает и нас всех (сектантов) понаделит землею. И тогда уж нам, всему простонародью, которое только поступит в святые штунды и анабаптисты, будет великое добро: свобода на все и роскошь»⁴. Вероучение штундистов не лишено апокалиптических ожиданий, тесно связанных с ожиданием собственного «царя», что вообще характерно для многих сект: «К властям они относят образ зверя, упоминаемого в 13 и 14 главах "Откровения"», отсюда — и учение о том, что в скором времени «православные цари уничтожатся, и у штундистов появятся свои анабаптистские цари и начальники», «вся Россия отведется в плен ... и уцелеют только южные города»⁵ [3, 72]. Были зафиксированы случаи отказа штундистов от службы в армии, опять же основанные на религиозных убеждениях. Так, вице-адмирал Гильтенберг, старший флагман Черноморской флотской дивизии, по поводу проблемы распространения в войсках учения штундистов писал: «От присяги же, данной на верную, самоотверженную службу Государю, они-де освобождены самим Иисусом Христом»⁶.

Таким образом, сектанты являются выразителями политических идей своих лидеров, которые были внушены им вперемешку с религиозными. Это-то несчастье — личную несвободу — и осмысливает Достоевский в статье о штундистах. «Коли замешалась личность», не может быть свободы: личные политические и иные идеи лидера будут выдаваться адептам секты за религиозные.

Образ другого сектантского лидера — лорда Редстока — имеет по сравнению со штундистским пастором гораздо более ироническую окраску, и сама статья «Лорд Редсток» (Дневник писателя, 1876) выдержана в более ироничном тоне, чем статья «Смятенный вид»:

Собственно про учение лорда трудно рассказать, в чем оно состоит. Он англичанин, но, говорят, не принадлежит и к англиканской церкви и порвал с нею, а проповедует что-то свое собственное. Это так легко в Англии: там и в Америке сект, может быть,

еще больше, чем у нас в нашем «черном народе». Секты скакунов, трясушек, конвульсьонеров, квакеров, ожидающих миллениума и, наконец, хлыстовщина (всемирная и древнейшая секта) — всего этого не перечтешь. Я, конечно, не в насмешку говорю об этих сектах, сопоставляя их рядом с лордом Редстоком, но кто отстал от истинной церкви и замыслил свою, хотя бы самую благолепную на вид, непременно кончит тем же, чем эти секты. <...> Я слышал только, что лорд Редсток как-то особенно учит о «схождении благодати» и что, будто бы, по выражению одного передававшего о нем, у лорда «Христос в кармане», — то есть чрезвычайно легкое обращение с Христом и благодатью. О том же, что бросаются в подушки и ждут какого-то вдохновения свыше, я, признаюсь, не понял, что передавали (XXII, 98).

Последняя мысль требует некоторого пояснения. Исследователи сект конца XIX — начала XX века нередко обращались к изучению деятельности редстокистов (впоследствии пашковцев). Типичное собрание с участием гуру — лорда Редстока — со слов очевидцев, начиналось таким образом: «...все общество шепотом переговаривается и посматривает на дверь, из которой должен выйти проповедник. Вот заветная дверь отворилась и перед нами высокого роста рыжий англичанин. Поклонившись обществу, он как автомат шлепается на стоящее посередине кресло, как будто смотря на все и в то же время как будто не глядя ни на что и только изредка устремляя глаза вверх как бы для того, чтобы разглядеть и воспринять что-то спускающееся свыше... Но вот лорд, почувствовав наитие, вскакивает с места и говорит: "а теперь помолимся", хватается руками за голову, бросается на колени, упирается лицом в подушку сиденья на стуле и начинается молитва, импровизируемая лордом-апостолом. Молитва эта состоит из набора не мыслей, а отдельных слов, кои лорд подбирает чрез большие промежутки времени, повторяя иногда по десяти раз уже найденное слово до тех пор, пока не подыщет следующее, вроде: "О Иисусе, мы любим Тебя, мы ... мы хотим любить Тебя! Хлеб наш насущный даждь нам днесь! Ох, мы слабы, очень слабы! Помоги нам верить в Тебя!"»⁷. Таким образом, Достоевскому кто-то абсолютно

верно передал, как именно лорд Редсток получал «вдохновение свыше»: из подушки сиденья на стуле.

Секта редстокистов (впоследствии пашковцев) пользовалась трансовыми практиками и введением своих адептов в измененное состояние сознания. Впрочем, секта штундистов тоже отличалась подобными практиками, но, по всей видимости, не во всех регионах своего распространения, и нам неизвестно, знал ли Достоевский об этой стороне деятельности секты. Трансовые практики, видимо, были распространены в начале существования секты штунды, особенно в южных регионах. «Во время молитвы штундистов нежданно-негаданно кто-нибудь из них падает, произнося молитвенно-бессвязные слова. По мнению штундистов, это верный признак того, что на упавшего сошел Св. Дух», — отмечает исследователь штундизма свящ. Арсений Рождественский⁸. Впоследствии секта штундистов слилась с баптистами, для которых трансовые практики несвойственны, однако некоторые штундисты, напротив, объединились с пашковцами, и измененное состояние сознания на собраниях для них стало нормой.

«Молитвенные собрания пашковцев бывают различны, — отмечает известный исследователь сект XIX века К. Плотников. — На одни пускают всякого желающего, на другие — только своих, а на иные — лишь избранных. Богомоление их состоит из импровизированных молитв, чтения Св. Писания, проповеди и чтения стихов. Во время молитвы присутствующие преклоняют колена и складывают руки, некоторые же приходят в экстаз, вздыхают, плачут»⁹. Очень показательным одно из воспоминаний очевидца о собрании пашковцев, опубликованное в газете «Церковный вестник»: «Г. Пашков в своих беседах проповедует, что <...> для спасения не нужно добрых дел, что все средства, какими человек-христианин думает достигнуть вечного спасения, суть измышления дьявола; того, кто говорит, что человеку нужно заслуживать спасение, г. Пашков признает посланником сатаны»¹⁰. Это вероучительное положение показывает сходство пашковцев с современными сектами неопятидесятников, утверждающих, что у каждого нехристианина природа сата-

ны (причем христианин, с точки зрения сектантов, — это только тот, кто был «возрожден в Духе», то есть член одной из неопятидесятнических сект).

К осмыслению деятельности обеих сект Достоевский возвращается в статье «Миражи. Штунда и редстокисты» (Дневник писателя, 1877). Здесь с помощью развернутой метафоры изображена вообще раскольническая деятельность, ведущая к образованию больших и маленьких сект:

Несут сосуд с драгоценною жидкостью, все падают ниц, все целуют и обожают сосуд, заключающий эту драгоценную, живящую всех влагу, и вот вдруг встают люди и начинают кричать: <Слепцы! чего вы сосуд целуете: дорога лишь живительная влага, в нем заключающаяся, дорого содержимое, а не содержащее, а вы целуете стекло, простое стекло, обожаете сосуд и стеклу приписываете всю святость, так что забываете про драгоценное его содержимое! Идолопоклонники! Бросьте сосуд, разбейте его, обожайте лишь живящую влагу, а не стекло!> И вот разбивается сосуд, и живящая влага, драгоценное содержимое, разливается по земле и исчезает в земле, разумеется. Сосуд разбили и влагу потеряли. Но пока еще влага не ушла вся в землю, подымается суматоха: чтобы что-нибудь спасти, что уцелело в разбитых черепках, начинают кричать, что надо скорее новый сосуд, начинают спорить, как и из чего его сделать. Спор начинают уже с самого начала; и тотчас же, с самых первых двух слов, спор уходит в букву. Этой букве они готовы поклониться еще больше, чем прежней, только бы поскорее добыть новый сосуд; но спор ожесточается, люди распадаются на враждебные между собою кучки, и каждая кучка уносит для себя по нескольку капель остающейся драгоценной влаги в своих особенных разнокалиберных, отовсюду набранных чашках и уже не общается впредь с другими кучками. Каждый своею чашкой хочет спастись, и в каждой отдельной кучке начинаются опять новые споры. Идолопоклонство усиливается во столько раз, на сколько черепков разбился сосуд (XXV, 11).

Осмысливая проблему появления и распространения сект штундистов и редстокистов, Достоевский указывает на одну из причин попадания людей в подобные организации: религиозное невежество, незнание своей религии:

Кстати, многие смеются совпадению появления обеих сект у нас в одно время: штунды в черном народе и редстокистов в самом изящном обществе нашем. Между тем тут много и не смешного. Что же до совпадения в появлении двух наших сект, — то уж без сомнения они вышли из одного и того же невежества, то есть из совершенного незнания своей религии (XXV, 12).

Интересно отметить совпадение в осмыслении этого вопроса Достоевским и его современниками, вообще далекими от писательской деятельности. Так, судебный следователь А. Шугаевский, по делам службы занимавшийся штундизмом в Киевской губернии, так же как и Достоевский, отмечает проблему религиозной неграмотности как причины вовлечения крестьян в секту:

У людей малоразвитых, каково большинство крестьян, отчужденность от духовенства отразилась и на отношениях к церкви, особенно к ее обрядовой стороне. <...> В церкви народ очень редко слышал пасторскую проповедь, вне церкви между священником и прихожанами не было живого словесного общения, обмена мыслей, бесед по душе. При полном почти отсутствии тогда грамотности между крестьянами они не понимали ни смысла таинств и обрядов церкви, ни того Евангелия, которое читалось, ни вообще того, что слышали и видели в церкви. Короче говоря, религиозное состояние крестьян находилось на самом низком уровне и представляло чрезвычайно благоприятное условие для пропаганды иногo вероучения. При этом, — продолжает он, — нужно иметь в виду и еще одно важное обстоятельство, содействовавшее распространению штунды. Мне известно, что православным, совращавшимся в штундизм, давалось денежное пособие. Это делалось очень секретно и очень ловко, так что я, например, знал, что пособия даются, но из каких сумм, кем и через кого — не мог добиться¹¹.

Огромный интерес, применительно даже не только к XIX веку, но и к любому времени, имеет нарисованная Достоевским перспектива развития обеих сект:

Эта штунда не имеет никакого будущего, широко не раздвигается, скоро остановится и наверно сольется с какой-нибудь из темных сект народа русского, с какой-нибудь хлыстовщиной —

этой древнейшей сектой всего, кажется, мира, имеющей бесспорно свой смысл и хранящей его в двух древнейших атрибутах: верчении и пророчестве. <...> и редстокисты наши, весьма может быть, кончат тем, что будут вертеться, а пророчествуют они, уж кажется, и теперь (XXV, 12).

Важно отметить разницу в отношении писателя к учению и практикам изображаемых сект («верчению» и «пророчеству») и к самим сектантам как к жертвам, вовлеченным в секту обещаниями лучшей жизни. Со свойственным ему состраданием к любому человеческому горю, Достоевский жалеет сектантов: «А, впрочем, бояться штунды совсем нечего, хотя жалеть ее очень можно» (XXV, 12).

Итак, «верчение и пророчество», являющееся следующим после штунды этапом, чем заканчивали многие секты, уже ничего общего с христианством не имеет, в «верчении и пророчестве» от христианства уже ничего не остается, а напротив, возрождаются «древнейшие идолы» язычества. Собственно, «верчение и пророчество» — это и есть трансовые практики, характерные для многих псевдохристианских сект. Люди впадают в транс, бормочут нечленораздельные звуки и первые пришедшие в голову мысли выдают за божественное откровение — «пророчествуют».

Таким образом, проблема сект не только в искажении Священного Писания, но и в потенциальном нанесении вреда здоровью адептов: измененное состояние сознания, в которое постоянно впадает сектант, приводит к расшатыванию психики и может причинить серьезный ущерб душевному здоровью человека. Редстокисты с их трансовыми практиками явились предтечей пятидесятников (или современных неопятидесятников), также практикующих измененное состояние сознания на своих собраниях: «падение в Духе» (человек падает на пол, трясется — считается, что на него сошел Святой Дух), «святой смех» (человек смеется и не может остановиться — также считается «божественным посещением»), и главная практика — «глоссолалия» (называемая «говорением на языках», представляющая собой выкрикивание нечленораздельных звуков — считается у сектантов самой сильной и доходящей до Бога молитвой).

Чувствительный к любой беде Достоевский не мог не обратить внимания на этот тотальный обман: сектантские лидеры начинают говорить о Боге, о нравственных ценностях, а заканчивают пропагандой своих политических идей (штундисты); приглашают в христианский кружок единомышленников, а человек оказывается вовлеченным в языческий ритуал с «верчением и пророчеством» (пашковцы).

Примечания

- ¹ *Щапов А.* Земство и раскол. Бегуны // *Время.* 1862. № 10. С. 319–363.
- ² Здесь и далее приводятся ссылки на издание: *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: В 30 т. Л., Наука, 1972–1990. В круглых скобках указывается номер тома и страницы.
- ³ В каком отношении учение русского штундизма находится к немецкому протестантизму // *Миссионерское обозрение.* СПб., 1905. № 1. С. 73.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С. 72.
- ⁶ Приказ Старшего флагмана Черноморской флотской дивизии по поводу распространения в войсках штунды // *Миссионерское обозрение,* январь-май 1901 г. СПб., 1901. С. 740.
- ⁷ *Буткевич Т. И.,* проф., прот. Обзор русских сект и их толков с изложением их происхождения, распространения и вероучения с опровержением последнего. Изд. 2. Петроград, 1915. С. 462.
- ⁸ *Рождественский А.,* свящ. Южнорусский штундизм. СПб.: Типография Департамента Уделов, 1889. С. 248.
- ⁹ *Плотников К.* История и обличение русского сектантства. 2-е изд., перераб. Петродрад: Типография М. И. Акинфеева, 1914. С. 158.
- ¹⁰ Воскресные беседы г. Пашкова // *Церковный вестник,* 8.03.1880. № 10. С. 13.
- ¹¹ *Шугаевский А.* Из наблюдений над штундизмом в Киевской губернии // *Вера и разум. Журнал богословско-философский.* 1886. № 20. Харьков: Типография Окружного штаба. С. 406.

Список литературы

- 1 *Боград Г. Л.* Предположения о Смердякове (к вопросу об отношении Достоевского к расколу) // *Достоевский. Материалы и исследования.* Т. 18. СПб.: Наука, 2007. С. 161–169.

2. Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. 3-е изд. Н. Новгород: Изд-во Братства во имя св. князя Александра Невского, 2002. 816 с.
3. Дилакторская О. Г. Скопцы и скопчество в изображении Достоевского (к истолкованию повести «Хозяйка») // *Филология (Philologica)*. Т. 2. СПб., 1995. № 3/4. С. 59–84.
4. Касаткина Т. А. Авторская позиция в произведениях Достоевского // *Вопросы литературы*. 2008. № 1. С. 196–226.

Tat'yana Sergeevna Karpacheva

*Ph.D., Associate Professor
of Moscow City Teacher Training University
(Moscow, Russian Federation)
t.s.karpacheva@yandex.ru*

IMAGES OF CULT FOLLOWERS IN DOSTOYEVSKY'S *A WRITER'S DIARY*

Abstract. The theme of religious sects in *A Writer's diary* of Fyodor Dostoyevsky is considered in the article. Dostoyevsky, who readily responded to all the vital questions of contemporary life, obviously could not ignore the theme of pseudo-spirituality and involvement of people in different organizations masked by prayerful meetings; organizations that often set political rather than religious goals. In the article the image of a stundist parson as a religious sect leader contrasts with the image of Elder Zosima from Dostoyevsky's novel *The Brothers Karamazov* as a real saint, leading people to Christ. F. M. Dostoyevsky demarcates the concepts of sectarian teaching and its practical objectification. According to the writer, the destructive activities of sects is much more dangerous than their theoretical views. Sinking into all sorts of trance states ("whirling and prophecy"), a person broadcasts a distorted view of Christ, rejects the true faith, and without knowing it, revives the ancient pagan cults of idolatry.

Keywords: religious sects, *A Writer's Diary*, Dostoyevsky, *The Brothers Karamazov*, Father Zosima

References

1. Bograd G. L. Predpolozheniya o Smerdyakove (k voprosu ob otnoshenii Dostoevskogo k raskolu) [Assumptions about Smerdyakov (Dostoyevsky's attitude to Old Believers)]. *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoyevsky. Materials and Research]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, vol. 18, pp. 161–169.
2. Dvorkin A. L. *Sektovedenie. Totalitarnye sekty. Opyt sistematicheskogo issledovaniya [Cult studies. Totalitarian cults. The experience of systematic research]*. Edition 3. Nizhniy Novgorod, Publishing house of St. Alexander of Neva, 2002. 816 p.
3. Dilaktorskaya O. G. Skoptsy i skopchestvo v izobrazhenii Dostoevskogo (k istolkovaniyu povesti «Khozyayka») [Skoptsy and the concept of skopets in Dostoyevsky's representation (interpretation of *The Landlady novella*)]. *Filologika [Philologica]*. St. Petersburg, 1995, vol. 2, no. 3–4, pp. 59–84.

-
4. Kasatkina T. A. Avtorskaya pozitsiya v proizvedeniyakh Dostoevskogo [Standpoint of the author in Dostoyevsky's works]. *Voprosy literatury* [Questions of literature], 2008, no. 1, pp. 196–226.